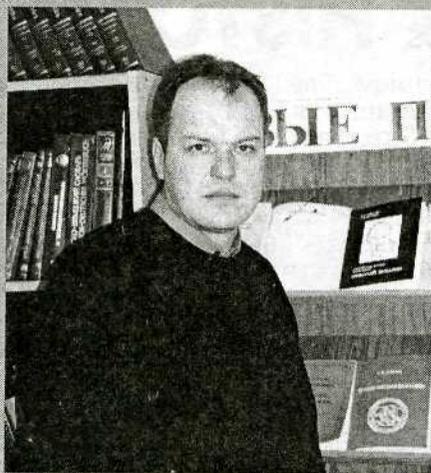

РОССИЯ

КАК ДЕМОКРАТИЯ?

С.В. Мошкин

Мошкин С.В. —
доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН

Спустя десять лет после принятия российской Конституции, провозгласившей институциональный и идеологический плюрализм, препятствующий установлению монополии власти и истины, вполне уместно задаться вопросом: что за общественное и политическое образование возникло в России за десять лет посткоммунистического развития? Удался ли наш демократический эксперимент?

На Западе при оценке итогов последнего десятилетия довольно часто можно слышать вывод о неуклонном движении России к «либеральной демократии». Но в самой России оценки, чаще всего, другие. С одной стороны, нельзя не видеть сохранения большей части старого правящего класса, прежней политической ментальности и политического поведения, старых клиентелистских отношений и многих других «прелестей» развитого социализма. С другой стороны, наша жизнь стала полностью деидеологизированной, лишенной каких-либо идейных табу и ограничителей. В пользу демократии говорит и возросшая самостоятельность общества в целом и отдельных индивидов в частности. Россияне получили возможность существовать и искать собственные пути выживания абсолютно независимо от государства и политики властей. Так что мы имеем прелюбопытное соединение старого и нового. Или, как сказал Ф. Искандер о нашем посткоммунистическом устройстве: «Все изменилось и одновременно все осталось по-старому».

Вероятно, споры об определении сформировавшейся в России действительности будут продолжаться еще долго. Однако чтобы определить характер перемен, степень продвинутости российского общества в направлении реальной демократии либо в противоположную сторону, необходи-

ма определенная шкала критериев и условий, при которых можно делать вывод о степени демократичности данного общества либо ее отсутствии. Такими условиями, на наш взгляд, являются:

- ответственность власти перед обществом;
- замещение правительственных должностей через регулярные, свободные и честные выборы
- широкие гражданские и политические права и свободы, включая право граждан свободно выражать свое мнение и свободу прессы;
- наличие политического плюрализма и равной конкуренции, т.е. деятельности самостоятельных партий, выражающих различные социальные интересы;
- гражданский контроль за силовыми структурами;
- существование в политике институциональных сдержек и противовесов.

Если в конкретном обществе наличествуют упомянутые условия, пусть и не во всей полноте, тогда мы вправе говорить о существовании в нем более или менее развитой демократии либо о его движении в демократическом направлении.

В какой же степени Россия отвечает этим минимальным критериям демократичности? В какой точке маршрута находится российское общество? Внешне с некоторыми демократическими показателями у нас вроде бы неплохо. Но достаточно взглянуть на то, что скрывается за ними, и оптимизм испаряется. Так, если говорить об *ответственности власти перед обществом* за свою политику и принимаемые решения, то российскую правящую группу этот вопрос мало волнует. В политической практике отсутствуют механизмы общественного и парламентского контроля за исполнительными органами, которые имеют полную свободу деятельности. Причем, даже выборы, вместо того, чтобы стать оценкой действий власти со стороны общества, оказались своеобразной формой ухода правящей команды от ответственности за свои провалы. Все говорит о том, что российская власть вообще не чувствует никаких обязательств по отношению к обществу, не ощущает необходимости соизмерять свои действия с социальными настроениями и хоть как-то оправдывать свои ошибки и беспомощность. Во многом это можно объяснить чувством безнаказанности правящего класса, его убежденностью во вседозволенности, отсутствием у правящей элиты страха перед возможными последствиями своей деятельности, страха, который все же был у коммунистической номенклатуры.

Очевидно, российская элита не верит в возможность скорого демократического оживления масс. Отсюда полная поглощенность нынешнего правящего класса реализацией своих интересов, пренебрежение к волне компроматов и к возможности собственной дискредитации. Последнее особенно важно, ибо обычно страх перед компрометирующими материалами удерживает правящий класс в рамках определенных правил игры. Нашу правящую элиту совершенно не волнует, как ее

воспринимают массы. Низкий рейтинг? Отсутствие доверия? Подозрения в коррупции и сомнительных махинациях и даже их доказанность? Всеобщая ненависть, которую вызывают отдельные представители власти? Ну и что! Десять лет безнаказанности породили чувство полной уверенности в себе. Конечно, эта уверенность, во многом, есть следствие существования заранее подготовленных запасных «аэродромов» и «окопчиков», которых, кстати, не было у коммунистических правителей.

Если же говорить о выборах, то можно только поразиться, как упорно российская элита прибегает к этим процедурам. На Западе частота российских выборов заставила подавляющее число аналитиков с восторгом констатировать, что Россия последовательно идет по пути демократизации. Но в реальности электоральная политика в России стала не средством выбора альтернатив и обновления власти, а эффективным инструментом сведения счетов, личного обогащения, получения индульгенций за прошлые провалы, но главное — механизмом самосохранения правящего класса и консервации статус-кво. Такого рода выборы порождают ситуацию безысходности и только дискредитируют демократию в глазах российских граждан. Что же касается свободы выборов, то и здесь остается только пожалеть плечами. Разве могут российские выборы считаться действительно свободными и справедливыми, если они ставят участников в неравное положение, когда в распоряжении кандидата от «партии власти» оказываются все административные и финансовые ресурсы государства?

Правда, ситуация в области гражданских свобод, в частности, свободы выражения гражданами своего мнения в России, внешне вполне удовлетворительна. Однако, что толку в этих свободах, если общественное мнение мало кого волнует в среде власти и обретенная обществом гласность никак не влияет на процессы принятия политических решений. А вот элементарные, зафиксированные в Конституции права граждан продолжают нарушаться, например, право на жизнь, право на образование, право на труд и его вознаграждение.

В целом, несмотря на отсутствие репрессий, российские граждане совершенно незащитны перед государством. Особенно остро это ощущается в провинции, где возникло множество полуавторитарных режимов. Граждане сегодня ничуть не больше застрахованы от произвола чиновников, чем в прежние времена. Более того, Чечня показала, что государство может допустить в отношении своих граждан методы уничтожения, которых избегал постсталинский режим.

Отдельного внимания заслуживает свобода прессы — один из самых важных критериев демократического общества. После довольно короткого наслаждения реальной свободой наши средства массовой информации оказались в полной зависимости либо от государства, либо от мощных финансовых групп, которые стали диктовать им свои взгляды. По сути, наши масс-медиа продолжают оставаться не менее партийными, чем прежде.

Размышляя о политическом плюрализме, можно констатировать, что в России налицо кризис партийного строительства. Он имеет несколько причин: и разочарование масс в существующих партиях; и неоформленность социальных интере-

сов; и само построение десять лет назад российской политической системы, в рамках которой парламент лишен самостоятельности, а потому партии обречены играть роль декорации; и тот факт, что процесс принятия решений передвинут в теневые центры, что усиливает роль «групп влияния», а не общественных движений.

Власть откровенно не нуждается в механизмах оформления интересов отдельных социальных слоев. Напротив, она заинтересована в их дезактивации и продлении полусонного состояния общества, сохранении аморфности социальной ткани. Даже коммунистическая партия ныне не предпринимает особых усилий для того, чтобы сохранить свою социальную базу. Ее лидеры гораздо больше стремятся удержаться на сцене путем компромиссов с частью правящей верхушки. Так что и компартия из массового движения все больше превращается еще в одну «группу влияния».

Трудно сказать, когда нынешний кризис политического плюрализма будет преодолен. Рассчитывать на принятый закон о политических партиях не приходится. Для этого, прежде всего, необходимо общественное оживление. Но чтобы партии укоренились и стали играть надлежащую роль синтезатора определенных интересов и механизмом социальной мобилизации, нужна радикальная перестройка политической системы. Пока эта система основывается на принципе авторитарной «вертикали» и борьбе олигархических кланов, — об этом говорить не приходится.

Что касается силовых структур, которые ранее привыкли к двойной системе контроля — со стороны компартии и КГБ, то сейчас институциональный контроль над ними вообще ликвидирован. Сами же силовые структуры оказались подчинены не государству как политическому институту, а личности, и лояльность именно президенту, а не государству, стала основополагающим принципом их существования.

Об отсутствии в России институциональной системы сдержек и противовесов сказано и написано уже много. Возникшие зачатки этой системы были ликвидированы в 1993 г. в ходе президентского переворота. И теперь мы даже привыкли к тому, что имеем декоративный парламент. Отцы современного политического режима решили не измерить и восстановить жесткий приводной ремень сверху вниз. Что с этой «вертикалью» получилось на практике — уже другое дело. Но сам факт отсутствия институциональных балансиров привел к сохранению чрезмерной персонификации политики, угрозе авторитарных рецидивов и постоянных встрясок в зависимости от настроения лидера.

По мнению некоторых западных теоретиков, еще одним, весьма важным условием движения общества к демократии является способность правящих групп к пактам и национальному согласию, т.е. к договоренностям, сначала об основных принципах политической игры, а затем и о принципиальном консенсусе по самым насущным вопросам общественного развития. К сожалению, за десять последних лет в России ни разу не был достигнут действительный пакт, а имела место своеобразная внепактовая стабилизация в рамках режима авторитарного плюрализма. В отличие от Испании, Польши, Болгарии и других стран, где при переходе к новой системе основные политические груп-

пы самоограничивались, в какой-то степени учитывая и интересы общества и пытаясь нащупать стратегию развития, в России все пакты, практически, свелись к сделкам нескольких группировок во имя максимального контроля за государственными ресурсами и реализации собственных интересов. Естественно, эти сделки не могли стать основой для национального согласия.

Таким образом, отсутствие традиционного набора предпосылок демократизма в России не позволяет говорить об устоявшейся в стране демократии. В этом смысле прав был А. Солженицын, когда писал: «Созданная система центральной власти — настолько же бесконтрольна, безответственна перед обществом и безнаказанна, какой была и коммунистическая власть, и даже при большом желании не может быть названа демократией». И вряд ли можно надеяться, что в обозримой перспективе в стране произойдет всплеск демократизма. Россия вступила в фазу, когда большинство

не хочет новых потрясений. Конечно, это не благоприятное время для реформ, это не время для углубления демократии. Это время возобладания довольно консервативных ценностей. Основы нынешней общественной системы закрепились, и власть не нуждается в высвобождении демократического потенциала общества, который может лишь разрушить сформировавшиеся механизмы реализации групповых интересов и установившееся равновесие. Минимум демократических процедур, связанный, в основном, с электоральной политикой, вполне устраивает правящий класс и не угрожает устойчивости нынешней форме правления. В поисках механизмов национальной консолидации правящие группы все больше будут использовать державнические и популистские лозунги. Однако они будут делать это таким способом, чтобы избежать крайностей и острых углов. Чего нельзя отрицать у российского правящего класса, так это прагматизма.